

Ян Флеминг Гиск

— В этом теле немало гиска.

Слова, казалось, ласково шевелили пышные коричневатые усы. Тяжелый взгляд черных глаз медленно переместился с лица Бонда на его руки, сосредоточенно игравшие коробком спичек с надписью по-итальянски «Таверня „Золотая голубка“».

Бонд чувствовал, что его внимательно изучают. Это неторопливое, тщательное изучение продолжалось уже два часа, с момента встречи с этим человеком в баре «Эксельсиора». Бонду сказали, что у человека, с которым он должен был встретиться, густые усы, что он будет сидеть за столиком в одиночестве и пить «Александр» со сливками. Бонд тогда еще подумал, насколько необычным был опознавательный знак: мягкий, дамский напиток. Это уж во всяком случае умнее сложной газеты, цветка в петлице или каких-нибудь там желтых перчаток, так набивших оскомину в описаниях конспиративных встреч тайных агентов. К тому же у этого опознавательного знака было и еще одно существенное преимущество: его можно было узнать и в отсутствие его владельца. И Кристатос не преминул устроить маленький тест на сообразительность. Когда Бонд вошел в бар и огляделся, то обнаружил, что среди двух десятков посетителей не было ни одного усатого. Но на угловом столике в дальнем углу просторного, уютного зала рядом с блюдечком маслин и розеткой, наполненной орешками кэшью, стоял высокий бокал с водкой и сливками. Бонд направился прямо к этому столику, выдвинул стул и сел.

Подошел официант.

— Добрый вечер, сэр. Синьор Кристатос сейчас разговаривает по телефону.

Бонд кивнул и сделал заказ:

— Пожалуйста, «Негрони» с джином «Гордон», Официант повернулся к стойке бара.

— Один «Негрони» с «Гордоном».

— Вы уж меня извините.

Большая волосатая рука приподняла стул с такой легкостью, как будто это был коробок спичек, и поудобнее подоткнула его под грузное тело.

— Мне обязательно надо было поговорить с Альфредо. Рукопожатия было не нужно. Просто встретились двое старинных знакомых. Похоже, что и занимались они чем-то одинаковым: скажем, импортом-экспортом. Тот, что помоложе, смахивал на американца. Хотя нет. Одет не так. Значит — англичанин.

Бонд легко отбил первую подачу.

— Как поживает его малыш? Все в порядке? Зрачки черных глаз синьора Кристатоса сузились. Да, это — профессионал. Он развел руками.

— Да в роте бы. Что там может произойти?

— Оспа — очень неприятная штука...

Принесли «Негрони». Оба собеседника поудобнее устроились за столиком, довольные, что являются равными партнерами. В их «игре» так бывает не часто. Обычно, еще до начала подобной работы в паре, один из партнеров утрачивает доверие к другому. Бонду нередко представлялось в таких случаях, что уже первая встреча пахла жареным: одним из признаков было ощущение, что его тщательно разработанная легенда начинала дымиться. А при дальнейшем развитии событий дым превращался в пламя, и «крыша» рушилась. Игра на этом прекращалась, и ему не оставалось ничего, кроме как выйти из нее или ждать, пока его самого не «уйдет» кто-то другой. Но вот сейчас все пока шло нормально.

В тот же вечер, позднее, в таверне под названием «Золотая голубка» неподалеку от Пьяцца-ди-Спанья, Бонд, к своему удивлению, обнаружил, что его все

еще проверяют. Кристатос пока лишь примеривался и присматривался к Бонду, пытаюсь понять, можно ли ему доверять полностью.

Слова Кристатоса о том, что «в этом теле немало гиска», были, по сути, пока единственным высказыванием, где допускалась возможность деловых отношений между ним и Бондом. Это Бонда воодушевило, хотя он и сам не очень-то доверял Кристатосу. Однако в конечном счете все эти меры предосторожности означали, что интуиция М, не подвела его и на этот раз: Кристатос, скорее всего, действительно знает о чем-то очень и очень серьезном.

Бонд бросил остаток спички в пепельницу и произнес:

— Кто-то однажды сказал мне, что любое дело, которое приносит больше десяти процентов прибыли и которым заниматься надо после девяти вечера, — это опасное дело. То дело, которое свело нас вместе, дает тысячу процентов дохода и заниматься им можно только под покровом ночи. Так что по обоим показателям дело это рискованное.

Понизив голос, Бонд добавил:

— Средства в наличии имеются. Доллары, швейцарские франки, венесуэльские боливары — все, что душе угодно.

— Вот это меня гатует. А то уж лиг у меня слишком много накопилось.

Синьор Кристатос развернул меню.

— Все-таки давайте сначала подквепимся. Нельзя заниматься столь важным телом на пустой желудок.

А началось все с того, что неделю назад Бонда вызвал к себе М. Он был явно не в духе.

— У вас есть чем заняться, 007?

— Только составлением разных бумажек, сэр.

— Что значит «бумажек»? — М, махнул трубкой в сторону кипы документов на своем столе. — А у кого их нет?

— Я имел в виду, что нет активной работы, сэр, — Так и надо было сказать то, что имелось в виду. — М, взял стопку связанных вместе бордовых папок и с такой силой толкнул их через стол, что Бонд поймал их с трудом.

— Вот вам еще «бумажки». В основном из Скотленд-Ярда, от их людей, занимающихся наркотиками. Данные министерства внутренних дел и министерства здравоохранения и несколько замечательно увесистых докладов из Женевского Международного центра по борьбе с опиумом. Возьмите все это к себе и прочитайте. Понадобится вам для этого сегодняшний день и почти весь сегодняшний вечер. Завтра вы вылетаете в Рим и принимаетесь за поиски главарей. Все понятно?

Бонд кивнул. Ему было понятно, чем вызвано раздражение М. Больше всего на свете его бесило, когда его сотрудников отвлекали от их непосредственных обязанностей. А обязанности эти — шпионаж, ну и, по мере необходимости, саботаж и подрывная деятельность. Все остальное не заслуживало внимания Службы и расходования секретных фондов, которые, ей-Богу, и так были не ахти какими огромными.

— Вопросы есть? — Выдвинутая вперед челюсть М, напоминала бушприт корабля и как бы говорила Бонду, что пора бы ему убираться восвояси со своими бумажками, чтобы владелец челюсти мог заняться вопросами поважнее.

Бонд знал, что это было, хотя бы и в малой степени, игрой на публику. У М, были свои маленькие пунктики, все в Службе о них знали, и М, знал, что о них все знают. Но это вовсе не означало, что он должен был их скрывать. Среди них были большие пунктики — использование Службы не по прямому назначению и жажда отделять правдивые разведданные от кажущихся таковыми — и пунктики маленькие. Сюда относилось твердое убеждение, что нельзя принимать в Службу людей с бородами; людей, одинаково свободно говорящих на своем родном языке и на

нескольких других; людей, пытающихся оказывать на него давление за счет связей их семейств с членами кабинета министров; мужчин и женщин, уделяющих слишком много внимания своему внешнему виду; а также всех тех, кто называл его «сэр» во внеслужебное время. К этому списку можно было добавить то чрезмерное доверие, которое М, испытывал к шотландцам. К этим своим пунктикам М, относился с той же иронией, с какой относились к своим причудам и Черчилль, и Монтгомери. И он не имел ничего против блефа, а в какой-то степени это и был блеф в отношении своих сотрудников. Тем не менее он никогда не позволил бы себе отправить Бонда на задание без соответствующего инструктажа.

Зная все это, Бонд как можно любезнее спросил:

— Можно два вопроса, сэр? Почему именно мы должны заниматься этим делом, и есть ли там, куда я еду, хоть какие-то выходы на главарей, как вы их называли?

М, бросил на Бонда тяжелый, мрачный взгляд и вместе с креслом повернулся к широкому окну кабинета, за которым проплывали серые, осенние облака. Он взял трубку, резко подул в нее, а затем, как будто выпустив тем самым накопившееся в нем раздражение, осторожно положил ее на стол. Когда он наконец заговорил, голос его был спокойным, а тон — рассудительным.

— Как вы прекрасно понимаете, 007, мне не очень хотелось бы вовлекать Службу в это связанное с наркотиками расследование. В начале года мне уже пришлось на две недели отозвать вас с задания, чтобы вы отправились в Мексику ловить этого мексиканца-«садовника». При этом вас там чуть не убили. Я сделал это в качестве услуги Специальной службе. Когда они вновь попросили направить вас им на помощь, я отказал. На этот раз речь шла о какой-то итальянской банде. Но Ронни Баланс за моей спиной обратился в министерство внутренних дел и в министерство здравоохранения. На меня навалились министры. Им я сказал, что вы мне нужны здесь, а больше я, мол, выделить для них никого не могу. Тогда они оба пошли к премьер-министру.

М, сделал паузу.

— На том все и закончилось. Надо сказать, что премьер-министр (М, привычно называл его ПМ) говорил очень убедительно. Он сказал, что героин в тех количествах, в которых он сюда поступает, является орудием психологической войны, подрывает нашу мощь. Он заявил также, что вряд ли здесь замешана просто какая-то банда итальянцев, решивших набить себе карман. Скорее, речь идет не о деньгах, а о подрывной деятельности.

М, кисло ухмыльнулся.

— Думается мне, что эти слова были подсказаны ему нашим другом Ронни Вэлансом. Очевидно, его люди сбились с ног, пытаясь воспрепятствовать распространению этой заразы у нас, среди молодежи, как это уже имело место в Америке. Похоже, танцплощадки и залы аттракционов битком набиты продавцами наркотиков. Ребятам Вэланса из бригады по наркотикам удалось подобраться к одному из посредников, и у них нет сомнений, что эта гадость течет сюда из Италии, в основном — в багажниках машин итальянских туристов. Вэланс сделал все, что мог: привлек и итальянскую полицию, и Интерпол, но ничего конкретного не выяснил. Конечно, они пробрались довольно далеко по цепочке, даже арестовали кое-какую мелочь, но затем, когда казалось, что они почти у цели, уперлись в стену. Те, кто непосредственно занимается распространением наркотиков, либо перепуганы до смерти, либо им слишком хорошо платят. Бонд решил вмешаться:

— Наверное, кто-то где-то их хорошо охраняет, сэр. Это дело с Монтези... Не все здесь чисто. М, нетерпеливо повел плечами.

— Может быть, может быть. Надо будет вам и на это обратить внимание, но мне кажется, что дело Монтези дало возможность провести довольно-таки порядочную чистку. Но так или иначе, после того как ПМ приказал нам заняться этим делом, мне

пришло в голову побеседовать с Вашингтоном. ЦРУ заявило о полной готовности оказать нам помощь. Вы, наверное, знаете, что у них в Италии еще с сорок пятого года есть люди из Бюро по борьбе с наркобизнесом. К ЦРУ, правда, они никаким боком не относятся. Подчинены они — кому бы вы думали? министерству финансов США. Оно контролирует так называемую Секретную службу, которая занимается наркотиками и фальшивомонетчиками. Странное сочетание, не правда ли? Интересно, как на это смотрит ФБР? Ну, да ладно.

М, медленно развернул кресло назад, к столу. Он положил руки за голову и откинулся на спинку кресла, глядя на Бонда.

— Дело в том, что отделение ЦРУ в Риме работает в очень тесном контакте с людьми, занимающимися проблемой наркотиков. Вернее, ему приходится это делать, чтобы избежать накладок и всего такого прочего. И ЦРУ, в лице самого Аллена Даллеса, кстати, сообщило мне имя основного агента, услугами которого оно пользуется. Агент этот, очевидно, ведет двойную игру. Использует контрабанду в качестве «крыши». Зовут его Кристатос. Даллес, разумеется, подчеркнул, что напрямую задействовать его людей нельзя ни в коем случае и что, по его мнению, американскому Минфину будет не по душе слишком тесное сотрудничество между нами и его людьми в Риме. Однако он сказал, что, если я пожелаю, он может сообщить этому Кристатосу, что один из наших, м-м-м, лучших специалистов хотел бы с ним встретиться и побеседовать о выгодном для него деле. Я сказал, что это было бы очень любезно с его стороны, и вот вчера мне сообщили, что ваша встреча назначена на послезавтра. Все детали — в папках, которые я вам передал.

В комнате воцарилась тишина. Бонд думал о том, что все это дело не очень приятное, скорее всего — опасное и уж, конечно же, грязное. С мыслью об этом Бонд встал и сунул папки под мышку.

— Хорошо, сэр. Здесь, видимо, надо будет вести речь о деньгах. Сколько мы готовы заплатить, чтобы остановить поставки наркотиков?

М, вместе с креслом придвинулся к столу. Он положил руки на стол ладонями вниз и сурово произнес:

— Сто тысяч фунтов стерлингов. В любой валюте. Это цифра, которую назвал ПМ. Однако мне не хотелось бы, чтобы вы пострадали, а тем более — чтобы таскали из огня каштаны для других. Поэтому можете смело накинуть еще сто тысяч, если дело плохо. Наркобизнес — самая крупная и самая охраняемая преступная организация.

М, вытащил из громоздившихся на его столе папок с документами одну, раскрыл ее и, не глядя на Бонда, сказал:

— И вообще. Осторожнее там...

Синьор Кристатос раскрыл меню и сказал:

— Не будем хотеть вокук та около, мистег Бонд. Сколько?

— Пятьдесят тысяч фунтов стерлингов за стопроцентный успех.

Кристатос равнодушно произнес:

— Да. Сумма значительная. Я закажу себе тыню с ветчиной и шоколатное могоженое. По вечегам я ем мало. Здесь у них пгиличное кьянти. Гекоментую.

К ним подошел официант, и какое-то время они с Кристатосом оживленно говорили по-итальянски. Бонд заказал себе «таглиателли верди» с генуэзским соусом, который Кристатос назвал «очень острым».

Официант ушел, а Кристатос молча сидел, жуя зубочистку. Лицо его постепенно мрачнело и темнело, как будто в голове у него вот-вот должна была разразиться буря. Тяжелый взгляд черных глаз метался по ресторану, не останавливаясь на Бонде. Бонд решил, что Кристатос сейчас думает, стоит или не стоит ему кого-то предавать за такие деньги, и доверительно добавил:

— При определенных обстоятельствах сумма может быть и большей.

Видимо, Кристатос решился. Он отодвинул стул и встал из-за стола.

— Вот как? Пгостите, я толжен схотить в «толетта».

Он повернулся и быстро направился к заднему выходу из ресторана.

Бонд неожиданно ощутил, что проголодался. Он налил полный бокал кьянти и выпил половину. Потом разломил пополам булочку и начал есть, щедро намазывая каждый кусок густым желтым маслом. Его всегда удивляло: почему булочки и масло так хороши только во Франции и в Италии? В настоящий момент другие вопросы его не волновали. Надо было просто терпеливо ждать. Он верил в Кристатоса, потому что этому большому, солидному человеку верили американцы. Сейчас он, наверное, звонил кому-то, чтобы окончательно определиться. Все идет прекрасно, думалось Бонду. Он наблюдал в окно за прохожими. Вот мимо проехал на велосипеде продавец газет. На руле у него красовался красно-белый флажок, на котором было написано: «„Progresso“? — Si! Awenturi? — No!»¹ Бонд улыбнулся. Вот бы хорошо, если бы этот лозунг стал и его девизом до завершения этого задания!

За угловым столиком у кассы, на другой стороне зала, пухленькая блондинка с чувственным ртом сказала, обращаясь к мужчине, лицо которого в настоящий момент было соединено с тарелкой с помощью толстой макаронины-спагетти:

— Улыбка у него довольно-таки жестокая. Но вообще-то он очень красив. Шпионы обычно такими не бывают. Ты уверен, что он — шпион, mein Taubchen?²

Мужчина перекусил макаронину, вытер рот уже испачканной томатным соусом салфеткой, рыгнул и ответил:

— Сайгон никогда не ошибается в этих делах. У него особый нюх на шпионов. Именно поэтому я и выбрал его следить за этим ублюдком Кристатосом. Да и кому еще, кроме шпиона, придет в голову проводить вечер за одним столиком с этой свиньей? Впрочем, мы скоро все проверим.

Он достал из кармана одну из тех дешевых оловянных прищепок, которые во времена карнавалов раздают вместе с бумажными шляпами и свистульками, и щелкнул. Сразу же с другой стороны зала, бросив все свои дела, к нему быстрым шагом направился метрдотель.

— Да, хозяин.

Мужчина сделал ему знак наклониться и шепотом дал какие-то указания. Метрдотель коротко кивнул, повернулся и, пройдя через зал в сторону кухни, вошел в комнату, на которой висела табличка «Служебный вход», и закрыл за собой дверь.

Началось заранее расписанное по минутам действо. Сидевший за столиком у кассы мужчина продолжал есть спагетти, придирчиво наблюдая за каждой стадией операции, как за ходами шахматной партии.

Метрдотель вышел из комнаты с табличкой «Служебный вход» и, обращаясь к своему помощнику, громко приказал:

— Поставить еще один столик на четверых. Быстро! Помощник пристально посмотрел на него и кивнул. Вслед за метрдотелем он встал рядом со столиком, за которым сидел Бонд, махнул рукой официантам, взял два свободных стула от соседних столиков и один, с поклонами и извинениями, от стола Бонда. Четвертый стул уже нес сам метрдотель из комнаты с табличкой «Служебный вход». Он присоединил его к трем другим, а официанты поставили между стульями столик и быстро расставили на нем приборы. Метрдотель нахмурился.

— Вы накрыли столик на четверых, а я сказал — на троих!

Он как бы случайно взял стул, который принес сам, и поставил его за столик, где

¹ «„Progress“? (Здесь: название газеты. — Прим, пер.) — Да! Авантюра? — Нет!» (ит.)

² Мой голубок (нем.).

сидел Бонд. Затем махнул рукой своим помощникам, и они тут же разошлись по своим делам.

Эта безобидная круговерть заняла не больше минуты. Почти сразу после ее завершения в ресторан вошли трое итальянцев. Метрдотель сам встретил их и с поклонами провел к только что накрытому столику.

Гамбит был разыгран.

Бонд практически не обратил на все это внимания, потому что к этому времени за столик вернулся Кристатос, официант принес их заказ, и они принялись за еду.

Во время трапезы речь шла обо всем понемногу, но не о делах. Они обсудили шансы итальянских партий на выборах, последнюю модель «альфа-ромео», сравнили качество итальянской обуви с надежностью английской. Говорить с Кристатосом было интересно. Он, казалось, знал всю подноготную любого вопроса. Информацию он выдавал как бы между делом, и она звучала поэтому особенно достоверной. По-английски Кристатос говорил бойко, изредка вставляя словечки или междометия из других языков. Иногда получалась весьма забавная мешанина. Бонд был доволен: Кристатос на поверку оказался очень полезным человеком, знающим и уверенным в себе. Неудивительно, что американская разведка считала его своим ценным приобретением.

Подали кофе. Кристатос закурил тонкую черную сигару и продолжал говорить, не выпуская ее из рта, в результате чего она прыгала то вверх, то вниз относительно линии тонких прямых губ. Кристатос положил обе руки на стол и, разглаживая ими скатерть и не глядя на Бонда, негромко произнес:

— Теперь это тело. Я сыггаю с вами в пате. То сих пог я иггал только с амегиканцами. Вам я скажу то, чего не сказал им. Впгочем, они в этом и не нуждались. Этот аппагатус с Амегикой не габотает. Зтесь все четко гегулигует-ся. Этот аппагатус габотает только с Англией. Та? Capita?³

— Понимаю. У каждого своя территория. Так обычно и бывает.

— Правильно. Тепегь, пегет тем, как я там вам информации, мы, как хогошие тогговщики, тоговогимся об условиях. Та?

— Разумеется.

Синьор Кристатос еще более тщательно принялся разглаживать скатерть.

— Я желаю получить завтга тнем тесять тысяч толла-гов амегиканских. Маленькими бумажками. Когда вы газ-гушите аппагатус, я желаю получить еще тватцать тысяч.

Синьор Кристатос поднял голову и посмотрел Бонду в глаза.

— Я не жатный и возьму не все ваши сгетства. Та?

— Нас это устраивает.

— Буono.⁴ Второе условие. Вы никому не говогите, откуда у вас мои инфогмации. Таже если вас бутут бить.

— Ну что ж. Справедливо.

— Тгетье условие. Во главе этого аппагатуса есть очень плохой человек.

Синьор Кристатос замолчал и уставился в потолок. Черные глаза заблестели, пересохшие губы выпустили наконец сигару, чтобы открыть выход рвущимся наружу словам:

— Он толжен быть destrutto⁵ убит.

³ Понятно? (ит.)

⁴ Хорошо (ит.).

⁵ Уничтожен (ит.)

Бонд откинулся на спинку стула и уже новыми глазами посмотрел на сидящего перед ним человека. Значит, один большой замысел начал распадаться на более мелкие. Речь идет, скорее всего, о какой-то личной вендетте. Кристатосу понадобился наемный убийца. И этот наемный убийца должен был платить Кристатосу за удовольствие избавить его от личного врага. Не дурно, не дурно! На этот раз наводчик собирался сделать, видимо, очень крупную наводку, если хотел использовать Секретную службу для сведения своих личных счетов. Бонд негромко спросил:

— Почему?

— Чем меньше ответов, тем меньше лжи, — спокойно ответил Кристатос.

Бонд сосредоточенно пил кофе, раздумывая. Обычная история: когда начинаешь заниматься крупными преступными синдикатами, сначала видна лишь верхушка айсберга. Но какое дело до всего этого ему, Бонду? Ведь у него конкретное задание, и если от его выполнения выгадает кто-то еще, то никого, и в первую очередь М., это волновать не будет. Бонду приказали уничтожить преступный аппарат, а если главным звеном этого аппарата являлся тот, пока что безымянный человек, то, фактически устраняя его, Бонд лишь выполнял данный ему приказ. Бонд сказал:

— Обещать я вам ничего не могу, это вам должно быть понятно. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, так это то, что, если этот человек попытается уничтожить меня, я уничтожу его.

Синьор Кристатос достал из коробочки зубочистку, снял бумажную обертку и принялся чистить ногти. Обработав одну руку, он поднял глаза на Бонда и сказал:

— Я не часто делаю ставки, когда не увеген в выигрыше. В этот газ я нагушу свое пгавило, так как не я плачу вам, а вы — мне. Так веть? Поэтому сейчас я там вам инфогмации, а тальше вы габотаете отин, соло. Завтга вечегом я улетаю в Кагаччи, гте у меня важные тела. Вам я могу только сообщить инфогмации. После этого вы сами себе хозяин и, — он бросил использованную зубочистку в пепельницу, — *che sera, sera...*⁶

— Согласен.

Синьор Кристатос вместе со стулом пододвинулся к Бонду и начал тихо и быстро говорить. Он называл даты, имена, подкреплял их фактами, не тратя времени на второстепенные детали. Складывалась из всего этого короткая, но весьма поучительная история.

В стране сейчас находилось две тысячи американских гангстеров итальянского происхождения, осужденных американским судом и высланных из Соединенных Штатов. Вряд ли где можно найти больших мерзавцев, чем эти, фигурирующих в самых черных списках полиции и благодаря своей репутации пригретых местными законами преступного мира. Сотня самых отпетых бандитов из этих двух тысяч объединила свои капиталы и маленькими группами отправилась в Бейрут, Стамбул, Танжер и Макао — крупнейшие контрабандные точки земного шара. Еще одна часть этой сотни работала курьерами, а главари через подставных лиц получили доступ к легальному, хотя и не крупному, фармацевтическому бизнесу в Милане. Сюда и стекались от маленьких групп опий и его производные. Переправлялись наркотики на небольшом корабле, курсировавшем по Средиземному морю, через стюардов итальянских чартерных рейсов и с помощью транзитных вагонов «Восточного экспресса», которые загружали в Стамбуле подкупленные гангстерами проводники. Миланская фирма — «Фармасия Коломба С.А.» — выступала в качестве и перевалочной базы, и перерабатывающей, где опий-сырец превращался в героин. А

⁶ Будь что будет... (ит.)

потом курьеры на машинах разных марок доставляли наркотик своим посредникам в Англии. Бонд прервал монолог:

— Наши таможенники прекрасно справляются с вылавливанием такого рода контрабанды. Вряд ли в любом автомобиле есть место для тайника, о котором они не знали бы. Где же эти тайники?

— В запасном колесе. В него как газ влезает пагтя накотиков на тватцать тысяч фунтов.

— Неужели они так ни разу и не попались? Ни при въезде в Милан, ни при выезде?

— Конечно, попатались. И много газ. Но эти гебятки вымуптованы как нато. Они знают, как себя вести, и они молчат. Если их сажают в тюгму, то за кажгый гот отсит-ки они получают тесять тысяч толлагов, а об их семьях как слетует заботятся. Если же все пгохотит ног-мально, то они телают хогошие тениги. Это — как коопегатив: кажтый получает свой кусок из общего котла, и только шефу положен еще и пгивагок.

— Ну, хорошо. Так кто же он, этот человек? Синьор Кристатос поднес руку ко рту и тихо сказал сквозь пальцы:

— Человека зовут Голубь, Энгико Коломбо. Это хозяин этого гестогана. Я потому и пгивел вас сюта, чтобы вы смогли на него взглянуть. Вон от ситит, толстяк, гятм с блонтинкой. Столик у кассы. Она из Вены. Зовут Лизль Баум. Догогая шлюха.

— Значит, шлюха, — задумчиво произнес Бонд. Ему не было нужды смотреть на блондинку. Он обратил на нее внимание, как только вошел в ресторан. Наверное, ни один из мужчин-посетителей ресторана не мог не обратить на нее внимания. Она излучала как раз те самые веселье, шарм и очарование, которые, по идее, присущи всем жительницам Вены, но так редки на самом деле. Своим присутствием она как бы озаряла угол ресторана. У нее были невозможного оттенка пепельные волосы, вздернутый носик, широкий, улыбчивый рот, а шею обвивала черная шелковая ленточка. Джеймс Бонд знал, что взгляд ее не раз останавливался на нем в этот вечер. Ее кавалер произвел на Бонда впечатление богатого, жизнерадостного, старающегося брать от жизни все человека, любовницей которого она с удовольствием бы стала на некоторое время: она могла бы, при его щедрости, прекрасно пожить, а затем — расстаться без взаимных упреков и сожалений. В целом Бонд отнесся к нему даже с некоторой симпатией, так как вообще любил жизнерадостных, с широкой натурой людей. И уж если ему, Бонду, не судьба заполучить такую женщину, то пусть тогда она хотя бы попадет в хорошие руки. Так думалось Бонду, когда он впервые увидел эту парочку. А теперь что? Бонд искоса взглянул на них. Те чему-то весело смеялись. Мужчина погладил ее по щеке, поднялся и направился к двери с надписью «Служебный вход». Войдя туда, он плотно закрыл за собой дверь. Значит, это и был тот самый человек, стоявший во главе цепочки, по которой наркотики переправлялись в Англию. Человек, голову которого М, оценил в сто тысяч фунтов. Человек, которого Бонд должен был убить по воле Кристатоса. Ну что ж, пора приниматься за дело. Бонд пристально, не отрываясь, стал смотреть на блондинку, а когда она наконец подняла голову и встретилась с ним взглядом, улыбнулся ей. Она отвела взгляд, но Бонд заметил, как она улыбнулась краешками губ, как будто чему-то своему. А когда она достала сигарету и, потянувшись, выпустила дым в потолок, повернувшись к Бонду боком, он понял, что вид еще более резко очертившихся форм предназначался только для него.

Приближался вечерний час пик: в ближайшем кинотеатре вот-вот должен был закончиться сеанс. Метрдотель руководил уборкой незанятых столиков и установкой дополнительных. Зал наполнился шуршанием расстилаемых салфеток, звоном расставляемых бокалов и позвякиванием столовых приборов. Мельком Бонд заметил,

как лишний стул перекочевал из-за его стола к соседнему, на шесть человек, потом — дальше, дальше, пока не скрылся в комнате с табличкой «Служебный вход». Впрочем, какое значение имел для Бонда этот стул?..

Когда стул оказался в его конторе, Энрико Коломбо сделал метрдотелю знак оставить его одного и, когда тот вышел, запер за ним дверь. Он подошел к стулу, снял сиденье и положил его перед собой на письменный стол. Расстегнув «молнию» на сиденье, он извлек оттуда магнитофон «Грюндиг», остановил и перемотал кассету, включил воспроизведение и прибавил громкость. Устроившись в кресле за столом, он закурил сигарету и приступил к прослушиванию, время от времени приглушая или увеличивая звук. Некоторые места он прослушал несколько раз. Наконец, когда глуховатый голос Бонда произнес «Значит, шлюха?» и наступила длительная пауза, прерываемая лишь посторонними шумами ресторанного зала, Энрико Коломбо выключил магнитофон и замер, уставившись на него. Так он сидел целую минуту. Лицо его не выражало ничего, кроме сосредоточенности на своих мыслях. Затем он оторвал взгляд от магнитофона и негромко сказал вслух:

— Сукин сын.

Он опять посмотрел на стоявший перед ним «Грюндиг», еще раз, но уже с чувством, произнес «сукин сын», вышел из кабинета и вернулся за свой столик.

Сев, Энрико Коломбо что-то быстро сказал блондинке. Та кивнула и перевела взгляд на Бонда, который вместе с Кристатосом как раз вставал из-за стола. Низким рассерженным голосом она сказала Коломбо:

— Вы — отвратительный человек. Все меня предупреждали об этом и были правы. Вы что, считаете себя вправе делать мне свои гадкие предложения только потому, что я согласилась поужинать в этом вашем паршивом ресторанчике?!

Она говорила все громче и громче. Резко схватив свою сумочку, она встала из-за стола и оказалась как раз на пути Бонда к выходу из зала.

Лицо Энрико Коломбо потемнело от гнева. Теперь он тоже был на ногах.

— Ты, продажная австрийская дрянь!

— Не смей оскорблять мою страну, жаба итальянская! Она схватила со стола бокал с недопитым вином и выплеснула остатки прямо в лицо своему кавалеру. Когда он бросился на нее, ей ничего не стоило сделать несколько шагов назад и уткнуться в Бонда, стоявшего в проходе и терпеливо ожидавшего возможности пройти мимо них.

Энрико Коломбо, тяжело дыша, вытирал салфеткой лицо. Дрожащим от злости голосом он бросил:

— Не смей больше показываться в этом ресторане. Он плюнул ей под ноги, повернулся и скрылся за дверью своего кабинета.

К их столику уже спешил метрдотель. Все посетители перестали есть и с интересом наблюдали за разыгравшейся сценкой. Бонд взял женщину под руку.

— Могу я помочь вам поймать такси? Она вырвала руку и все еще разгневанным тоном заявила:

— Все вы, мужчины, одинаковые свиньи!

Но тут же спохватилась и, сбавив тон, добавила:

— Вы очень любезны.

Нахмурившись, она быстро пошла к выходу. Мужчины — за ней.

Зал вновь наполнился гулом голосов и позвякиванием ножей и вилок. Посетителям теперь было о чем поговорить. Метрдотель, сохраняя внешнюю невозмутимость, открыл им дверь и сказал, обращаясь к Бонду:

— Примите мои извинения, мсье. Ваша помощь оказалась весьма кстати.

Мимо проезжало такси. Метрдотель сделал водителю знак остановиться, подошел к машине и открыл заднюю дверцу.

Блондинка села в машину. Бонд решительно последовал за ней и, закрывая

дверцу, сказал Кристатосу:

— Я вам позвоню завтра утром, идет? Не дожидаясь ответа, он захлопнул дверцу и обратился к женщине, забившейся в дальний уголок заднего сиденья:

— Куда ему ехать?

— Отель «Амбассадори».

Какое-то время они ехали молча. Потом Бонд спросил:

— Не желаете ли сначала заехать куда-нибудь?

— Нет, спасибо. — Казалось, она колеблется. — Вы очень любезны, но сегодня вечером я чувствую себя очень усталой.

— Значит, в другой раз.

— Возможно. Но завтра я уезжаю в Венецию. — Удивительное совпадение. Я тоже туда еду. Так, может быть, завтра вечером вместе поужинаем в Венеции? Женщина улыбнулась.

— Я всегда думала, что англичанам полагается быть скромными. Вы ведь англичанин, да? Как вас зовут? Чем вы занимаетесь?

— Да, я англичанин. Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд. А занимаюсь я сочинительством, пишу приключенческие романы. Сейчас я как раз пишу роман о торговле наркотиками. Дело происходит в Риме и в Венеции. Но беда в том, что я мало знаю об этом бизнесе. Вот и катаюсь, собирая разные истории на эту тему. Вы, кстати, ничем мне здесь не поможете?

— Так вот почему вы ужинали с этим, с Кристатосом. Я его знаю. У него плохая репутация. Нет, никаких таких историй мне неизвестно. Я знаю только то, что знают и все остальные.

Бонд принялся с энтузиазмом развивать беседу:

— Но это как раз то, что мне и нужно! Говоря об «историях», я имел в виду разные великосветские слухи и сплетни, которые, впрочем, зачастую оказываются недалеко от действительности. Такие вот вещи для писателя равноценны бриллиантам.

Она рассмеялась.

— Вы, правда, их имеете в виду? Ну, бриллианты?.. Бонд сказал:

— В общем-то, конечно, одним сочинительством на них не заработать. Но я уже продал идею романа для использования в киносценарии. И если мне удастся наполнить канву правдоподобным содержанием, то, может быть, они купят и весь сценарий.

Он положил свою руку на ее руки, лежавшие на коленях, и она не убрала их.

— Итак, бриллианты. Вернее, бриллиантовая брошь от Ван Клифа. Договорились?

Вот теперь она убрала руки.

Они были уже у «Амбассадори». Она взяла в руки сумочку, лежавшую до этого на сиденье рядом с ней, повернулась и посмотрела на Бонда. Швейцар открыл дверцу такси, и в озарившем салон свете уличных фонарей ее глаза засверкали, как звезды. Она с серьезным выражением лица изучала Бонда. Наконец сказала:

— Все мужчины — свиньи, но одни ведут себя менее свински, чем другие. Так и быть. Я встречусь с вами, но не за ужином. Место, которое я назову, довольно пустынное. Каждый день после обеда я хожу купаться в Лидо. Но не на модный пляж, а дальше — пляж Альберони, где английский поэт Байрон некогда любил кататься верхом. Это самая оконечность полуострова. Туда ходит пароходик. Вот послезавтра, в три часа дня, вы меня там и найдете. У песчаных дюн. В песок будет воткнут бледно-желтый зонт, — Блондинка улыбнулась. — Постучите и спросите фрейлейн Лизль Баум.

Она вышла из машины. Бонд последовал за ней. Она протянула ему руку.

— Спасибо, что пришли мне на помощь. До свидания.

— Значит, в три часа. Я буду там. До свидания. Девушка повернулась и начала подниматься по ведущим к входу в отель ступеням. Бонд проводил ее задумчивым взглядом, вернулся в такси и велел водителю ехать в отель «Национале». Бонд сидел, глядя в окно на пронесившиеся мимо неоновые вывески. Что-то все стало идти очень быстро, даже такси. Но как раз такси было пока единственным фактором, который Бонд мог контролировать. Он наклонился к водителю и попросил ехать помедленнее.

Лучший способ добраться из Рима до Венеции — взять билет на «Лагуна-экспресс», поезд, ежедневно отправляющийся в Венецию в полдень. Бонд почти все утро провел на телефоне, ведя трудные переговоры со своей лондонской штаб-квартирой. Естественно, благодаря стараниям «Секции-1» подслушать эти разговоры было невозможно. Но вот на поезд Бонд еле-еле успел. «Лагуна», конечно, вещь хорошая, но снаружи она выглядит гораздо более роскошной, чем является на самом деле. Сиденья в вагонах рассчитаны на тщедушных итальянцев, а официанты вагона-ресторана подвержены той же профессиональной болезни, что и их коллеги во всем мире: презрительное отношение ко всем путешественникам, а к иностранцам — в особенности. Бонду досталось место в проходе последнего вагона, и если бы за окнами мелькали даже райские кущи, он не обратил бы на них никакого внимания. Бонд пытался читать прыгающую в руках книгу, пролил кьянти на скатерть, без конца менял положение затекших ног и почему-то зря поносил про себя итальянские государственные железные дороги.

Но вот наконец поезд миновал Местре и вышел на идеально прямой отрезок пути, шедший по акведуку восемнадцатого века до Венеции. Потом открылся никогда не оставляющий человека равнодушным вид прекрасного города, и поезд стал спускаться вдоль Большого канала прямо в кроваво-красный закат. И наконец, как показалось Бонду, верх блаженства — лучший двухместный номер на втором этаже гостиницы «Гритти Палас».

В тот же вечер, соря тысячами банкнотами в барах «Гарри», «У Флориана» и «Квадри», самом шикарном из трех, Бонд изо всех сил создавал о себе то впечатление, которое, для интересующихся, должен был оставлять преуспевающий литератор, которым он представился блондинке. Затем, пребывая во временном состоянии эйфории, которое охватывает всех в первый вечер в Венеции вне зависимости от целей пребывания, Джеймс Бонд вернулся в гостиницу и проспал восемь часов кряду.

Лучший сезон для Венеции — май или октябрь. Днем ласково пригревает солнце, ночью — прохладно. Глаза меньше устают от созерцания прекрасных видов, а ноги — от бесконечного хождения по камню и мрамору, невыносимого в летнюю жару. К тому же и людей на улицах в это время меньше. Все-таки, хотя Венеция является, по сути, единственным в мире городом, способным растворить в себе как тысячу туристов, так и сто тысяч, — пряча их в боковых улочках, собирая в толпы на площадях, набивая ими пароходики и гондолы, — гораздо лучше, когда навстречу постоянно не попадаются ошалевшие тургруппы.

Следующее утро Бонд провел в прогулках по узким улочкам в надежде обнаружить за собой «хвост». Он даже зашел в пару соборов. Не для того, чтобы полюбоваться убранством, а для того, чтобы посмотреть, не войдет ли кто-нибудь за ним через центральный вход до того, как сам он выйдет через боковой. Но никто за ним не следил. Тогда Бонд отправился к «Флориану», где заказал «Американо» и выслушал болтовню двух французских снобов о несбалансированности ансамбля на площади Святого Марка. Поддавшись импульсу, он купил открытку и отправил ее своей секретарше, которая когда-то была участником искусствоведческого общества, занимавшегося Италией, и постоянно напоминала об этом Бонду. На открытке он написал: «Венеция прекрасна. Пока удалось осмотреть вокзал и здание биржи. С

эстетической точки зрения — очень удовлетворительно. Сегодня буду осматривать городской водопровод, а затем — старушку Брижит Бардо в кинотеатре „Скала“. Знаешь ли ты замечательную мелодию „О соле mio“? Очень романтично, как, впрочем, и все остальное здесь. Д. Б.»

Довольный собой, Бонд пообедал в ресторане и вернулся к себе в гостиницу. Он запер за собой дверь, снял пиджак и осмотрел свой «вальтер ППК». Поставив его на предохранитель, попробовал, легко ли тот вынимается из кобуры, и остался удовлетворен. Пора было идти. Он прошел по набережной и купил билет на отходивший в двенадцать сорок на Альберони пароходик. Устроившись на одной из передних лавочек, он любовался зеркальными лагунами и пытался представить себе, что может с ним случиться.

Чтобы добраться от причала в Альберони, находившегося на ближнем к Венеции побережье полуострова Лидо, до пляжа Альберони на берегу Адриатического моря, надо было всего лишь пересечь пыльный перевал с километр длиной. Эта оконечность знаменитого полуострова — довольно странная пустынная местность. Всего в километре отсюда среди старых, с потрескавшейся краской домиков и многоквартирных домов, построенных давно уже обанкротившимися архитекторами, начинали появляться новые роскошные виллы, а здесь не было ничего, кроме крохотной рыбацкой деревушки Альберони, санатория для студентов, древнего экспериментального комплекса итальянских военно-морских сил и нескольких массивных, покрывшихся вдоль основания водорослями брустверов времен последней войны. В самом центре этой «ничейной» земли находится залив Лидо, разбитый на протоки останками древних фортификационных сооружений. Хотя немногие любители приезжают в Венецию, чтобы поиграть в гольф, тем не менее крупные отели все еще не отказались от мысли продать расположенное здесь поле для гольфа, где изредка резвились их снобы-постояльцы. Поле это было окружено высоким забором из проволочной сетки с угрожающими надписями «Прохода нет» и «Ходить запрещается», как будто здесь находилось что-то архисекретное и таинственное. Пространство за забором, представлявшее собой нагромождение кустарников и песчаных дюн, еще даже не было очищено от мин, и кое-где рядом с проржавевшей колючей проволокой торчали таблички с надписью «Осторожно — мины!» и с грубо нарисованными черепами и костями. В целом это место выглядело странным и неудобным, особенно резко контрастируя со взбалмошным, карнавальным миром Венеции, находившейся всего лишь в нескольких километрах отсюда: меньше часа пароходиком, курсировавшим через лагуны.

К тому времени, как Бонд, пройдя километр, добрался до пляжа, он слегка вспотел и поэтому остановился передохнуть в тени акаций, окаймлявших пыльную дорогу. Чуть дальше, прямо перед ним, стояла деревянная покосившаяся арка, на которой поблекшей синей краской было написано: «Пляж Альберони». За ней виднелись ряды обветшавших деревянных кабинок, сотни ярдов песчаного пляжа, а дальше — спокойная зеркальная поверхность моря. Внешне могло показаться, что на пляже никого нет, но, когда Бонд миновал арку, он услышал, как где-то неподалеку едва слышно играла неаполитанская музыка. Радио. Звуки его доносились из домика-развалюхи, на котором висели щиты с рекламой кока-колы и местных итальянских прохладительных напитков. У стен стояли пустые шезлонги, два педальных катамарана и лежал полунадутый детский плавательный матрас. Все это выглядело настолько запущенным, что вряд ли пользовалось спросом даже в пик туристического сезона. Бонд сошел с деревянного тротуарчика на мягкий выгоревший песок, обойдя домик, направился на пляж и остановился у самой кромки воды. Налево уходил, исчезая в дымке, в сторону Лидо широкий пустой песчаный пляж. Направо пляж тянулся примерно на милю и упирался в волнорез на оконечности полуострова. На волнорезе через равные интервалы стояли ветхие

мостики для рыболовов. За спиной Бонда пляж переходил в песчаные дюны, на верхушках которых стоял проволочный забор, огораживающий поле для гольфа. У подножия одной из дюн, примерно в пятистах ярдах от того места, где стоял Бонд, сверкал под лучами солнца желтый зонтик шезлонга. Бонд направился к нему.

— Ой!

Она быстро натянула верх черного купальника, когда в поле ее зрения неожиданно появился Бонд. Тень от зонтика закрывала только ее лицо, а тело цвета густых сливок — нежилось под лучами солнца.

Едва приоткрыв глаза, она сказала:

— Вы пришли на пять минут раньше. К тому же я просила постучать...

Бонд сел рядом с ней на песок, укрывшись в тени зонтика. Он достал платок и вытер лицо.

— Похоже, вам удалось найти единственную пальму в этом пустынном месте. Поэтому я и не могу отказать себе в желании укрыться под ней. Чертовски странное место для встречи вы выбрали, однако.

Она рассмеялась.

— Я — как Грета Гарбо: люблю пребывать в одиночестве.

— Мы — в одиночестве? Она наконец открыла глаза.

— А почему бы и нет? Или вы думаете, что я привела с собой телохранителя?

— Ну, если вы считаете, что все мужчины — свиньи...

— Ах, да. Но вы — воспитанная свинья. — Она хихикнула. Свинья-джентльмен. Впрочем, сейчас слишком жарко, чтобы обсуждать сей вопрос. К тому же у нас ведь деловое свидание, не так ли? Я должна рассказать вам всякие страшные истории про наркотики, а вы за это презентуете мне бриллиантовую брошь. От Ван Клифа. Или вы передумали?

— Нет. Все именно так и есть. С чего же мы начнем?

— Задавайте вопросы. Что бы вы хотели узнать? Она села, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Выражение лица утратило кокетливость, стало внимательным, даже чуть-чуть осторожным.

Бонд уловил эту перемену и, наблюдая за выражением ее лица, нарочито небрежно сказал:

— Говорят, ваш приятель Коломбо — не последний человек в этом бизнесе. Расскажите мне о нем. В моей книге он мог бы стать одним из главных персонажей, не под своим именем, конечно. Но мне нужны детали: чем он конкретно занимается, как ведет себя, ну и тому подобное, чего самому писателю никогда не выдумать.

Она закрыла глаза и произнесла:

— Если Энрико узнает, что я рассказала кому-то о его секретах, он будет ужасно зол. Он может сделать со мной что угодно...

— Он никогда об этом не узнает. Очень серьезно она сказала:

— Дорогой мой господин Бонд. Он знает почти все. К тому же об остальном он может легко догадаться. Я вовсе не удивлюсь, — она мельком взглянула на часы, — если он решил отправить сюда кого-нибудь, чтобы следить за мной. Он подозревает всех.

Она подняла руку и коснулась руки Бонда. Теперь она выглядела очень взволнованной.

— Думаю, вам надо уходить. Эта встреча была серьезной ошибкой.

Бонд посмотрел на часы. Половина четвертого. Он повернул голову и обвел взглядом пляж. Вдалеке, у кабинок для переодевания, слегка расплываясь в знойном мареве, были видны фигуры трех мужчин в темной одежде. Они шли явно в сторону желтого зонтика, ступая в ногу, как военный отряд.

Бонд поднялся на ноги, посмотрел на женщину, сидевшую с опущенной головой, и сухо сказал:

— Все понятно. Но все-таки скажите своему Коломбо, что с этого момента я начинаю всерьез заниматься его биографией. Я — писатель, я — очень настойчивый и любопытный. Так что до скорого свидания.

Бегом Бонд направился к оконечности полуострова, где, спустившись на другую сторону, он мог добраться до деревни и оказаться в сравнительной безопасности, затерявшись среди ее обитателей.

Вдали трое мужчин перешли на размеренный бег и стали похожи на тренирующихся стайеров. Пробегая мимо женщины, один из них поднял руку. Она ответила взмахом руки и перевернулась на живот. Либо она хотела теперь поджарить спину, либо просто не желала наблюдать за начинающейся охотой на человека.

Бонд на бегу сорвал галстук и сунул его в карман. Было очень жарко, и он уже здорово вспотел. Но тем троим, скорее всего, было не лучше. Вопрос в том, кто лучше тренирован? Бонд вскарабкался на волнорез и посмотрел назад. Расстояние между ним и преследователями практически не сократилось. Но двое из трех явно направлялись к полю для гольфа, собираясь срезать угол, не обращая внимания на устрашающие надписи и таблички с черепом и костями. Бонд прикинул расстояние и понял, что обогнать тех двоих, что побежали в обход, ему будет довольно трудно.

Рубашка на нем была уже совершенно мокрой, да и ноги начинали болеть. А пробежал он всего еще только чуть больше мили. Сколько еще? В волнорезе через определенные интервалы были проделаны ниши, где когда-то стояли древние пушки. Теперь здесь были кнехты, к которым рыбаки привязывали свои лодки, пережидая непогоду перед выходом в Адриатику. Расстояние от одной до другой составляло примерно пятьдесят ярдов. А сколько еще таких кнехтов до первых домиков деревни? Бонд насчитал больше тридцати, но, видимо, это не все. Значит, еще немногим более мили. Удастся ли ему уйти от преследователей, особенно от тех, что обходят его с фланга? Бонд уже начинал задыхаться. Теперь вся его одежда была мокрой от пота и мешала бежать. Сзади, ярдах в трехстах, за ним гнался один из «святой троицы». Двое других то появлялись, то пропадали среди песчаных дюн справа от него. А слева — крутой обрыв, под которым бились волны Адриатического моря.

Бонд уже собирался перейти на шаг, чтобы восстановить дыхание и попытаться выиграть перестрелку, как вдруг одно за другим произошли два события, изменившие его планы. Сначала он увидел группу из шести-семи рыбаков, любителей подводной охоты. Трое стояли с гарпунными ружьями в руках, а остальные загорали на волнорезе. Потом со стороны дюн раздался глухой звук взрыва. В воздух взлетели тучи песка, и Бонда задела слабая ударная волна.

Он замедлил шаг и посмотрел направо. Напарник подорвавшегося на mine остановился и замер с раскрытым ртом. Внезапно он бросился на землю, обхватив голову руками. Такое доведение было знакомо Бонду: теперь лежащий не шелохнется, пока кто-нибудь не поднимет его и не вынесет из опасного места. Бонд почувствовал облегчение: до рыбаков, вскочивших на ноги и смотревших в его сторону, оставалось немногим более двухсот ярдов. Судорожно подбирая в уме знакомые ему итальянские слова, он составил фразу: «Я — англичанин. Где карабинеры?» и несколько раз попробовал ее произнести. Оглянувшись через плечо, он к удивлению своему обнаружил, что опасность не миновала: его преследователь, находившийся уже всего в ста ярдах, с пистолетом в руке продолжал гнаться за ним, не обращая внимания на рыбаков-свидетелей, выстроившихся цепью на пути Бонда с гарпунными ружьями на изготовку. В центре этой цепочки стоял крупный мужчина с большим животом, нависающим над красными плавками. Зеленая маска для подводного плавания была сдвинута почти на макушку. Он стоял, широко расставив ноги в ластах и уперев руки в бока, напомнив Бонду господина Жабу, персонажа американских мультфильмов. Но это забавное сравнение оказалось совсем

некстати... Тяжело дыша, Бонд перешел на шаг, а его рука непроизвольно полезла за пистолетом: человек, за спиной которого поблескивали гарпуны, был Энрико Коломбо.

Он внимательно наблюдал за приближающимся Бондом. Когда тот подошел, Коломбо тихо сказал по-английски:

— Уберите вашу игрушку, мистер Бонд из Секретной службы: ей не сравниться с пневматическими гарпунами. И если вы не хотите повторить подвиг Святого Себастьяна, стойте где стоите.

Он повернулся к стоящему справа от него «рыболову-спортсмену» и спросил:

— На каком расстоянии был тот албанец на прошлой неделе?

— В двадцати ярдах, хозяин. Гарпун прошел насквозь, да и албанец был раза в два толще, чем этот фрукт.

Бонд остановился, присел на чугунную решетку ограждения, не выпуская из рук пистолета, направленного в большой живот Коломбо, и сказал:

— Пять воткнувшихся в меня гарпунов не остановят одну пулю от проникновения в ваше внушительное тело, Коломбо.

Коломбо улыбнулся, кивнул своему человеку, незаметно подобравшемуся к Бонду сзади, и тот ударил Бонда рукояткой своего «люгера»...

Когда приходишь в себя после удара по голове, первая реакция головокружение и тошнота. Но даже несмотря на это Бонд ощутил и еще кое-что: он находился в море, на корабле, а человек, вытиравший ему лоб мокрым полотенцем, бормотал на ломаном английском ободряющие слова:

— Порядок у всех, амиго. Будь спокойный. Будь спокойный.

Бонд чувствовал себя совершенно разбитым, но тем не менее огляделся по сторонам. Он лежал в комфортабельной уютной каюте, обитала в которой, судя по запахам, ярким цветам и пестрым занавескам, женщина. У изголовья откидной кушетки, на которой лежал Бонд, стоял матрос в не первой свежести рубаше и штанах. Лицо его показалось Бонду знакомым: это был один из «рыбаков». Он улыбнулся, когда Бонд открыл глаза, и сказал:

— Стало ничего? Да? В порядке все? — В знак солидарности он потер себе шею и добавил:

— Болеть еще совсем мало. Скоро только синяк будет. Под волосами. Девушки увидят ничего.

Бонд слабо улыбнулся и кивнул. От этого кивка боль заставила его зажмуриться. Когда он вновь открыл глаза, матрос огорченно вздохнул и поднес к лицу Бонда часы: было семь вечера. Матрос показал пальцем на цифру девять.

— Ужин с хозяином, да?

— Да, — ответил Бонд.

— Спать.

— Да, — сказал опять Бонд, и матрос вышел из каюты, закрыв, но не заперев за собой дверь.

Бонд кое-как слез с кушетки, добрался до умывальника и принялся приводить себя в порядок. На стоявшем рядом комоде, аккуратно разложенные, лежали его вещи. Все, кроме пистолета. Бонд рассовал их по карманам, вернулся к кушетке, сел и, закулив, попытался размышлять. Ни к каким выводам прийти он не смог. Ясно, что его куда-то везли, вернее — он куда-то плыл, но, судя по поведению матроса, врагом его не считали. Тем не менее Коломбо приложил немало сил, чтобы сделать его своим пленником, а один из его людей даже погиб при этом, пусть и случайно. Видимо, речь не шла о том, чтобы убрать Бонда сразу. Скорее всего, такое обращение предвещало попытку заключить с ним сделку. Только вот какую? И есть ли у него иной выбор?

В девять часов за Бондом пришел тот же матрос, провел его по коротенькому

коридору в небольшой уютный салон и оставил в одиночестве. В центре салона стояли стол и два кресла, а рядом — никелированный сервировочный столик с едой и напитками. Бонд подергал ручку двери, находившейся на другой стороне салона, и без удивления обнаружил, что она заперта. Тогда он открыл один из иллюминаторов и выглянул наружу. Единственное, что можно было определить в сумерках, так это то, что плыл он на бывшем рыболовном судне водоизмещением примерно двести тонн. Работал, похоже, один дизельный двигатель, и корабль шел под парусом, делая от шести до семи узлов. Далеко на горизонте виднелась россыпь огней. Видимо, они плыли вдоль берега.

Послышался звук открываемой двери, и Бонд быстро отошел от иллюминатора. В салоне появился Коломбо. Одет он был в майку с короткими рукавами, летние брюки и сандалии. Глаза выдавали его настороженность. Он опустился в одно кресло и указал Бонду на другое.

— Садитесь, друг мой. Нам предстоит всласть поесть, попить и, главное, побеседовать. Пора нам перестать вести себя подобно малым детям и немного повзрослеть. Согласны? Что будете пить — джин, виски, шампанское? А вот колбаса, лучше которой нет в Болонье. Маслины с моих собственных плантаций. Хлеб, масло, проволоке — то есть плавленый сыр — и свежие фиги. Крестьянская еда, конечно, но очень вкусная. Приступайте. Вся эта беготня не могла не дать разгуляться вашему аппетиту, не так ли?

Он заразительно рассмеялся. Бонд налил себе виски с содовой и сел. Сделав глоток, он сказал:

— Зачем вам надо было весь этот огород городить? Можно ведь было просто встретиться, без всей этой суеты. А так вы рискуете оказаться в очень трудном положении. О чем-то подобном я даже предупреждал своего шефа: то, как ваша девица подцепила меня в ресторане, — это, ей-Богу, детские игры. Я сказал ему, что сам полезу в ловушку, чтобы разобраться что к чему. И если к вечеру завтрашнего дня я из нее не выберусь, вам предстоит иметь дело с Интерполом и всей полицией Италии.

Коломбо выглядел удивленным. Он сказал:

— Если вы, как утверждаете, были готовы сами лезть в ловушку, то зачем же вы пытались скрыться от моих людей сегодня? Я послал их, чтобы они доставили вас на корабль, и все тогда было бы гораздо проще. А так я потерял одного из своих людей, а вам чуть не проломили череп. Не понимаю — зачем вы пошли на это?

— Не понравилась мне эта ваша троица. Людей, способных убивать, я отличу за версту. Вот я и подумал, что вы готовы совершить какую-нибудь глупость. Надо было вам все делать через девушку. Посылать кого-то еще, право, не стоило.

Коломбо покачал головой.

— Лизль хотела побольше о вас разузнать. И ничего больше. Теперь она будет на меня злиться не меньше вас. Жизнь — штука сложная. Я предпочитаю быть со всеми в хороших отношениях, а получилось так, что за один день вместо друзей заполучил двух врагов. Это плохо.

Видно было, что ему искренне жаль себя. Он отрезал толстый кружок колбасы и принялся за еду, запивая шампанским. Прожевав, он опять укоризненно покачал головой и произнес:

— У меня всегда так: когда я волнуюсь, мне надо поесть. Но то, что я ем, когда волнуюсь, трудно переваривается. А вы меня разволновали, сказав, что мы могли просто встретиться и поговорить без всей этой суеты. — Он беспомощно развел руками. — Разве я мог об этом знать заранее? Теперь же вы этим косвенно обвиняете меня в гибели Марио. Но я ведь не просил его бежать наперерез через это чертово поле для гольфа!

Коломбо стукнул кулаком по столу и сердито закричал:

— Я не согласен! Это не моя вина, а ваша! И только ваша. Вы согласились убить меня. А как же должен человек организовывать встречу со своим убийцей, а? Ну-ка, объясните мне.

Коломбо схватил булку, нервно отломил большой кусок и запихнул себе в рот. Глаза его горели гневом.

— О чем это вы, черт побери?

Коломбо швырнул недоеденную булку на стол, поднялся, не спуская с Бонда глаз, подошел к шкафчику, открыл его и достал предмет, в котором Бонд узнал портативный магнитофон. Не сводя с Бонда осуждающего взгляда, он поставил магнитофон на стол, сел и включил воспроизведение.

При первых же звуках записи Бонд взял свой бокал с виски и с задумчивым видом стал его изучать. Голос из магнитофона сказал: «Второе условие. Вы никому не говорите, откуда у вас мои инфомации. Также если вас будут бить». Голос продолжал: «Тетье условие. Во главе этого аппагатуса есть очень плохой человек. Он толжен быть *destrutto*, убит». Бонд ждал, когда сквозь ресторанный шум прорежется его собственный голос. Помнится, пауза, когда он обдумывал последнее условие, была довольно длинной.

Что же он тогда сказал? Тут же магнитофон напомнил ему это: «Обещать я вам ничего не могу, это вам должно быть понятно. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, так это то, что, если этот человек попытается уничтожить меня, я уничтожу его».

Коломбо выключил магнитофон. Бонд выпил свое виски, поставил бокал на стол и приготовился ответить. Взглянув на Коломбо, он сказал:

— Это еще не делает меня убийцей. Коломбо посмотрел на него с сожалением.

— Для меня — делает. Особенно, когда я слышу такое от англичанина. Я работал на вас во время войны. В Сопротивлении. Имею медаль. — Он полез в карман и вытащил оттуда серебряную медаль на красно-бело-синей ленте. Видите?

Бонд выдержал пристальный взгляд Коломбо. Не отвел глаз. Он сказал:

— А как насчет всего остального, о чем говорилось в ресторане? Вы уже давно работаете не на англичан, а против них. Причем за деньги.

Коломбо вздохнул. Он постучал пальцем по магнитофону и бесстрастно произнес:

— Я слышал все. И это все — ложь. Он снова стукнул кулаком по столу, да так, что бокалы подпрыгнули, и яростно прокричал:

— Это — ложь! Ложь! Каждое слово — ложь! Он резко поднялся из-за стола, оттолкнув кресло. Оно упало, и ему пришлось наклониться, чтобы поднять его. Коломбо взял бутылку с виски, обошел стол и наполнил бокал Бонда. Потом вернулся на свое место и поставил перед собой бутылку шампанского. Теперь его лицо было сосредоточенным и серьезным. Он тихо сказал:

— Не все, однако, здесь ложь. Есть в том, что сказал вам этот ублюдок, доля правды. Поэтому я и решил не спорить с вами. Вы бы мне не поверили и натравили бы на меня полицию. Это принесло бы мне и моим товарищам много неприятностей. Даже если бы вы или кто-то другой решили, что убивать меня не стоит, все равно все кончилось бы громким скандалом и крахом. Чтобы избежать этого, я решил показать вам, как все обстоит на самом деле. Ведь для этого вас и направили в Италию, не так ли? Через несколько часов, завтра на рассвете, ваше задание будет выполнено. — Коломбо щелкнул пальцами. — Раз! — и все. Вот так.

— Так что же в истории Кристатоса правда? — спросил Бонд.

Коломбо, раздумывая, отвечать или нет, долго смотрел на Бонда. Потом решился:

— Друг мой. Я — контрабандист. Это — правда. Наверное, я самый удачливый контрабандист на всем Средиземном море. Половина из продающихся в Италии

американских сигарет доставляется из Танжера мной. Золото? Я — единственный его поставщик на черном валютном рынке. Бриллианты? В Бейруте у меня сидит человек с контактами в Сьерра-Леоне и Южной Африке. Раньше, когда не хватало лекарств, я занимался пенициллином: подкупал медперсонал в американских госпиталях. И многое, многое другое. Даже доставка в публичные дома Неаполя смазливых девиц из Сирии и Персии. Я помогал вывозить из страны бежавших из тюрем заключенных. Но, — кулак Коломбо вновь обрушился на несчастный стол, наркотиками — героином, опиумом, коноплей — нет! Никогда! Никогда к этому не прикасался. Это — зло. Это — грех. — Коломбо торжественно поднял правую руку. — Друг мой! Клянусь в этом именем моей матери!

Отдельные кусочки мозаики стали складываться в единое целое, и Бонд был уже готов поверить Коломбо. Он даже испытывал какую-то приязнь к этому жизнерадостному пирату, которого Кристатосу чуть было не удалось подставить под удар. Бонд спросил:

— Почему же Кристатос указал именно на вас? Что он от этого выиграет?

Коломбо покачал головой и сказал:

— Друг мой, Кристатос — это Кристатос. Он ведет такую двойную игру, какую трудно себе представить. Чтобы сохранить покровительство и американской разведки, и ваших специалистов по наркотикам, ему приходится время от времени подбрасывать им очередную жертву, какую-нибудь мелкую рыбешку. Но сейчас проблема слишком сложна, и мелочью ему не отделаться. Речь идет об огромных партиях, и жертва требуется на этот раз большая. Вот Кристатос или его наниматели и выбрали меня. Ведь действительно, если бы вы не пожалели денег на подкуп информаторов и как следует копнули, то узнали бы многое о моих операциях. Но каждый след, ведущий ко мне, на самом деле уводил бы вас все дальше от истины. И в конечном итоге — я далек от того, чтобы недооценивать вашу Службу, — я бы сел в тюрьму. Но тот хитрый лис, на которого вы охотитесь, только смеялся бы над вами, слыша, как звуки охоты удаляются от него все дальше и дальше.

— Почему Кристатос хочет, чтобы вас убили?

— Я слишком много знаю, друг мой, — хитро прищурился Коломбо. — Мы, контрабандисты, иногда волей-неволей наступаем на мозоль своим коллегам. Совсем недавно я на этом корабле вел настоящий морской бой с небольшим албанским военным катером. Нам повезло: удачный выстрел — и их баки с горючим взорвались. В живых от экипажа остался только один человек, и его убедили говорить. Я очень много чего полезного узнал, но сделал глупую ошибку высадил его на берег под Тираной. То есть вместо того, чтобы обойти минное поле, как дурак решил пойти через него напрямик. Ну и поплатился. С этого момента ваш любимый Кристатос сел мне на хвост. К счастью, — Коломбо кровожадно усмехнулся, — мне известно то, о чем этот подонок и не подозревает. Вот с этим «тем» мы и повстречаемся завтра на рассвете, в маленьком порту Санта-Мария, к северу от Анконы. А там, — Коломбо злобно рассмеялся, — мы увидим то, что увидим.

Бонд спросил:

— И сколько же вы за все это хотите? Вы ведь сказали, что завтра утром мое задание будет выполнено. Так сколько же это будет стоить?

Коломбо покачал головой и сказал равнодушно:

— Ничего. Просто складывается все так, что здесь наши интересы совпадают. Но единственное, в чем я хотел бы заручиться вашим честным словом, так это в том, что все сказанное здесь сегодня не будет знать никто, кроме вас, меня и, если это совершенно неизбежно, вашего шефа в Лондоне. В Италии это не должно стать известным. Договорились?

— Да. Я согласен.

Коломбо встал, подошел к шкафчику, достал пистолет Бонда и отдал его

владельцу.

— В таком случае, друг мой, — сказал он, — лучше иметь эту вещицу под рукой, так как она может вам пригодиться. А сейчас лучше всего как следует выспаться. В пять утра подадут ром и кофе.

Коломбо протянул Бонду руку, и тот пожал ее, внезапно ощутив, что они стали друзьями. Бонд попрощался с чувством некоторой неловкости и отправился к себе в каюту.

Экипаж «Коломбины» состоял из двенадцати молодых отчаянных парней. В этот ранний час они тихо переговаривались между собой, получая в салоне из рук самого Коломбо чашки с ромом и кофе. Корабль шел без огней, если не считать одного тусклого аварийного фонаря. Бонд даже улыбнулся про себя по поводу этой сцены из «Острова сокровищ», где царила атмосфера таинственности и романтики. Коломбо подходил к каждому матросу и проверял оружие. Все были вооружены «люгерами» и складными ножами. Пистолеты — за поясом, ножи — в карманах брюк. Коломбо проверял оружие очень придирчиво, кого-то хвалил, кого-то ругал. Бонду вдруг подумалось, что Коломбо живет жутко интересной жизнью, полной приключений, риска и опасностей. Конечно, это была жизнь преступника, постоянная борьба с валютным законодательством, монополией государства на табак, таможней, полицией, но витавший сейчас в воздухе юношеский романтический флер каким-то образом превращал цвет преступлений Коломбо из черного в белый. Ну по крайней мере в серый.

Коломбо посмотрел на часы, отдал приказ всем занять свои места и погасил аварийный фонарь. Вместе с Бондом он поднялся на капитанский мостик. Бонд увидел, что корабль был уже совсем рядом с казавшимся при свете едва зарождающегося утра черным скалистым берегом, вдоль которого он шел на самых малых оборотах. Коломбо сказал:

— Там, впереди, за этим утесом — бухта. В ней, у пирса, должен стоять корабль вроде нашего, и с него должны выгружать и перевозить на склад совершенно безобидные с виду рулоны типографской бумаги. Нас там никто не ожидает увидеть, поэтому у входа в бухту мы прибавим ход, подойдем вплотную к этому кораблю и высадимся на него. Они будут сопротивляться, естественно, и придется разбить пару-тройку голов. Надеюсь, что обойдется без стрельбы. Во всяком случае мы стрелять не будем, если они не начнут первыми. Это албанский корабль, а экипаж — отпетые албанские головорезы. Так что, если все-таки начнется стрельба, вы должны стрелять вместе с нами. Эти люди — враги и вашей страны, и моей. И здесь уж убьют не убьют — зависит от вас. Согласны?

— Согласен.

В ту же секунду раздался звон машинного телеграфа, и палуба под ногами начала ощутимо вибрировать. На скорости в десять узлов их корабль обогнул утес и вошел в бухту.

Все было так, как сказал Коломбо. У каменного пирса был пришвартован небольшой парусный корабль. С кормы на берег были перекинута доски, которые вели в тускло освещенный, грязный, старый кирпичный склад. На палубе лежали рулоны бумаги, которые по доскам скатывали с корабля, и они сами по инерции катились прямо в открытые двери склада. На корабле и на берегу Бонд насчитал двадцать человек. Только внезапность нападения могла уравнивать шансы. Корабль Коломбо был уже всего метрах в пятидесяти от борта парусника, когда его заметили. Кто-то побежал в сторону склада. Одновременно с этим Коломбо отдал короткий приказ. Двигатели на мгновение замерли и тут же дали задний ход. На мостике вспыхнул мощный прожектор, ярко осветивший всю картину происходящего, а «Коломбина» тем временем подошла к борту албанского судна. При первом же ударе борта о борт на палубу парусника полетели абордажные крюки, и матросы во главе с

Коломбо бросились на вражеский корабль.

У Бонда были свои планы. Оказавшись на палубе чужого корабля, он пересек ее, спрыгнул с трехметровой высоты на пирс, приземлившись мягко, как кошка, и замер, рассчитывая следующий шаг. На палубе уже началась стрельба, одним из первых выстрелов прожектор был выведен из строя, и теперь все происходило в сумраке наступающего утра.

В двух шагах от Бонда с палубы рухнуло тело одного из албанцев и распласталось на пирсе. В ту же минуту из черного зева складского помещения заговорил короткими профессиональными очередями ручной пулемет. Укрываясь в тени борта албанского корабля, Бонд бросился к складу. Пулеметчик заметил это движение и перенес огонь в его сторону. Пули завизжали вокруг Бонда и, клацнув о металлическую обшивку борта, рикошетом ушли в сторону. Бонд метнулся к штабелям досок и бросился на землю. Пулеметная очередь впиалась в доски над его головой. Бонд ползком стал пробираться между штабелями. Теперь, когда он продвинулся вперед насколько это было возможно под укрытием досок, ему надо было делать рывок вправо или влево. Послышались звуки рвущихся веревок где-то над ним: видимо, один из людей Коломбо перерезал тросы, удерживавшие бумажные рулоны на палубе, и теперь они один за другим покатались по доскам в сторону склада. У Бонда появился шанс. Он кинулся влево. Если пулеметчик и ждал его появления, то скорее всего — справа. Так и оказалось. Пулеметчик притаился у стены склада, и пока дуло пулемета перемещалось, Бонд успел выстрелить дважды. Палец убитого конвульсивно нажал на гашетку, и пулемет несколько раз плюнул огнем, прежде чем освободился от обмякшей руки, и с легким звоном упал на камни.

Бонд побежал к складу, но зацепился обо что-то и растянулся во весь рост в луже какой-то черной вязкой жидкости. Чертыхнувшись, он вскочил и спрятался за одним из рулонов, остановив свой бег у стены склада. Рядом лежал еще один рулон, вспоротый пулеметной очередью. Из него и сочилась эта черная жидкость, запах которой Бонд однажды слышал в Мексике. Это был запах опиума-сырца.

В нескольких сантиметрах от его головы в стену склада ударила пуля. Бонд вытер вымазанные в опиуме руки лапами пиджака и метнулся к двери. Удивительно, но в него никто не выстрелил изнутри, даже когда его силуэт стал четко виден на фоне неба. Внутри было тихо и прохладно. Освещение было выключено, но на улице уже посветлело, и Бонд увидел ровные ряды рулонов типографской бумаги, между которыми тянулся проход к другой двери в задней стене. Казалось, склад только и ждал, чтобы кто-нибудь зашел в него. Однако интуиция Бонда говорила о смертельной опасности. Он попятился к выходу и столкнулся лицом к лицу с Коломбо. Стрельба постепенно затихала. Бонд резко бросил:

— Стойте здесь, у двери. Не входите сами и своих никого не пускайте. Я посмотрю, что делается с другой стороны.

Не ожидая ответа, он обогнул угол склада, пробежал метров двадцать вдоль стены и, приблизившись к углу, остановился. Бонд быстро заглянул за угол и тут же отпрянул. Перед задней дверью, прильнув одним глазом к потайному отверстию, стоял человек. В руках у него было какое-то устройство, провода от которого исчезали под дверью. Рядом, тихо урча мотором, стояла черная открытая «ланча-грантурисмо», повернутая в сторону уходящей от пирса наезженной дороги.

Этим человеком был Кристатос.

Бонд встал на колени и, держа пистолет обеими руками, быстро высунулся из-за угла и выстрелил Кристатосу в ногу. Он промахнулся. Когда фонтанчик пыли взметнулся в сантиметре от цели, раздался взрыв, и его волна швырнула Бонда на землю.

Бонд тут же вскочил на ноги и увидел, как склад начал оседать и рушиться, как колода карт, принимая удивительные очертания. Кристатос был уже в машине и

успел отъехать метров на пятнадцать. Из-под задних колес взвивались столбы пыли. Бонд принял классическую позу стрелка — руки вытянуты вперед, ноги слегка согнуты в коленях — и тщательно прицелился. Его «вальтер» выстрелил три раза. Одновременно с последним выстрелом, с пятидесяти метров, фигура вцепившегося в руль человека дернулась, руки взлетели вверх, голова упала на руль. Правая рука так и осталась в воздухе, как будто мертвец показывал, что готовится сделать поворот направо. Бонд пустился бежать по дороге, ожидая, что машина остановится. Но глубокие колеи на дороге не выпускали колеса из своих объятий, а правая нога убитого продолжала давить на акселератор. И «ланча», визжа мотором на так и не переключенной третьей скорости, неслась вперед. Бонд остановился и стал ждать, что же произойдет. Взметая пыль, машина катилась по дороге, пересекая выжженную равнину. Бонд ждал, что она вот-вот свернет с дороги, но этого не произошло, и «ланча» так и скрылась из глаз в дрожащем воздухе утра, предвещавшего прекрасный солнечный день.

Бонд поставил пистолет на предохранитель и засунул его за пояс брюк. Повернувшись, он увидел направляющегося к нему Коломбо. На губах толстяка сияла довольная улыбка. Он подошел к Бонду и, к ужасу последнего, заключил его в объятия и расцеловал в обе щеки.

— Что вы делаете, Коломбо? Ну не надо же, — простонал Бонд.

Коломбо оглушительно захохотал.

— А-а! Тихоня англичанин боится выдать свои чувства! Зато я, — он стукнул себя кулаком в грудь, — Энрико Коломбо, люблю вас от всего сердца и не стесняюсь громко заявить об этом. Если бы вы не убрали этого пулеметчика, не бывать бы нам всем в живых. А так я потерял всего двоих. Правда, все остальные ранены. Но у албанцев-то на ногах осталось всего шестеро, да и те спрятались где-то в деревне, откуда их выкурит полиция. К тому же вы и этого ублюдка Кристатоса спровадили прямо в ад со всеми удобствами. Именно такого конца он и заслужил! Интересно, как там все обернется, когда его гоночная колымага выедет на главную дорогу? Он, кажется, показывает, что повернет направо? А это значит — прямо на автостраду!

Коломбо по-дружески похлопал Бонда по плечу.

— Однако, друг мой, нам пора уходить. Кингстоны на албанском судне уже открыты, и скоро оно будет лежать на дне морском. Телефонов в этом забытом Богом месте нет, и мы легко оторвемся от полиции. К тому же им придется изрядно помучиться, прежде чем они выбьют что-то у местных рыбаков. Я с ними уже побеседовал: здесь никто не жалуется албанцев. Но нам пора сматываться. И ветер сейчас попутный, и докторов, которым бы я доверял, нигде поблизости нет.

Языки пламени уже лизали искореженный склад, над которым поднимались густые облака сладковатого дыма.

Бонд и Коломбо вышли на пирс и через палубу начинавшего тонуть парусника перебрались на борт «Коломбины», где Бонда ожидали новые объятия и дружеские похлопывания и тычки. Корабль тут же снялся с якоря и пошел к выходу из бухты. На берегу, у вытащенных на берег лодок, стояло несколько местных рыбаков. Выглядели они угрюмо, но когда Коломбо помахал им рукой и прокричал что-то по-итальянски, они дружно подняли руки в ответном приветствии, а один из них крикнул что-то, что заставило весь экипаж рассмеяться. Коломбо перевел Бонду:

— Они говорят, что наша драка оказалась гораздо интереснее, чем та, что они недавно видели в кино, в Анконе, и просят приезжать почаще.

Неожиданно Бонд почувствовал навалившуюся усталость. Напряжение спало, и он ощутил себя грязным и небритым, пропахшим опиумом и потом. Он спустился вниз, одолжил у одного из матросов бритву и чистую рубашку, пошел к себе в каюту и постарался, насколько это было возможно, привести себя в порядок. Когда он вытащил из-за пояса пистолет и бросил его на кушетку, из дула пахло кордитом.

Запах напомнил о только что пережитом страхе, лихорадке боя, смерти. Бонд открыл иллюминатор. Снаружи весело плясали волны, а удаляющийся берег, казавшийся еще так недавно черным и таинственным, теперь выглядел зеленым и очень красивым. В каюту из камбуза проник изумительный запах жарящегося бекона и свежего хлеба. Бонд захлопнул иллюминатор, оделся и отправился в салон.

Там, за завтраком, состоявшим из яичницы и кофе с ромом, Коломбо, похрустывая поджаренным хлебом, расставил все точки над «i».

— Итак, друг мой, мы уничтожили годовой запас опиума-сырца, который должен был отправиться отсюда в химические лаборатории Кристатоса в Неаполе. Это правда, что у меня у самого есть подобные цеха в Милане. Но они используются для производства простых лекарств. Аспирина, например. Что же касается всей остальной рассказанной вам Кристатосом истории, то замените в ней Коломбо именем Кристатоса, к все встанет на свои места. Именно он занимался превращением опиума в героин и нанимал курьеров, переправлявших его в Лондон. Кристатосу и его людям, наверное, пришлось бы выложить за эти рулоны этак миллион фунтов стерлингов. Но знаете что, мой дорогой Джеймс? Они не потратили на это ни единого цента. Почему? Да потому, что это был подарок от русских! Подарок в виде бомбы, которая должна была взорваться в центре Англии. Они могут поставлять практически неограниченное количество этого сырца со своих плантаций на Кавказе, а Албания — очень подходящий перевалочный пункт. Но сами сбросить эту бомбу русские не могут. Вот Кристатос и создал для этого свою организацию. Именно он, по указке своих хозяев из Москвы, бросал бомбы. Между нами, сегодня за полчаса мы уничтожили всю их организацию. Теперь вы можете вернуться домой и с чистой совестью доложить своему начальству в Англии, что поставки наркотиков прекратятся. Вы можете также сказать им чистую правду, а именно, что не Италия изготовляла это страшное оружие, а наши давние друзья русские. Не сомневаюсь, что разработкой всего плана занимался какой-нибудь отдел психологической войны в их развед-органах. Точно, конечно, я вам назвать его не могу. Но, может быть, они, мой дорогой Джеймс, пошлют вас в Москву разузнать все получше? Если это будет так, то я надеюсь, что и там вы встретите какую-нибудь очаровательную девушку, подобную вашей подруге фрейлейн Лизль Баум, которая выведет вас на дорогу, ведущую к истине.

— Что вы имеете в виду — «вашей подруги»? Ведь она ваша подруга. Коломбо покачал головой.

— Мой дорогой Джеймс. У меня много подруг. Вам предстоит провести в Италии еще несколько дней: надо написать отчет и, может быть, проверить кое-что из того, о чем я вам поведал. Да и с американскими коллегами вам надо будет побеседовать о реальностях жизни. Но в промежутках между этими ответственными делами вам понадобится сопровождающий, который сможет показать вам все красоты моей любимой родины. В нецивилизованных странах существует обычай предлагать в таких случаях услуги одной из своих жен человеку, которого ты любишь и которому хочешь оказать любезность. Я тоже не шибко цивилизован. У меня нет нескольких жен, но есть много таких подруг, как Лизль Баум. Ей в этом отношении не надо давать никаких инструкций. И у меня есть все основания полагать, что она с нетерпением ожидает вашего возвращения сегодня вечером.

Коломбо полез в карман брюк, достал оттуда что-то и со звоном положил на стол, накрыв рукой.

— Вот доказательство.

Коломбо положил руку к сердцу и со всей серьезностью посмотрел Бонду в глаза.

— Я даю вам это от всего моего сердца. И от ее сердца тоже.

Бонд посмотрел на стол. «Что-то» оказалось ключом, прикрепленным к

тяжелому металлическому брелоку с надписью: «Отель „Альберго Даниели“. Комната 68».